

РОМАН Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР» КАК ОБРАЗЕЦ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА

NATALIIA D. STRELNIKOVA

THE NOVEL "THE AVIATOR" BY EVGENY G. VODOLAZKIN AS AN EXAMPLE OF PETERSBURG TEXT

**Наталия Даниловна
Стрельникова**

кандидат филологических наук,
доцент

► tashastrel@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Российская Федерация, 197022,
Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5

Nataliia D. Strelnikova

PhD in Philology,
Associate Professor

Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI",
5, ul. Professora Popova, St. Petersburg,
197022, Russian Federation

Многослойный и многогранный роман Е. Водолазкина «Авиатор» можно трактовать по-разному. Статья посвящена интерпретации романа XXI в. как классического образца непрерывного петербургского текста, в котором значимым является все, начиная с эпиграфа и посвящения. Объясняются значение и символика имени главного героя — Иннокентий, закономерность отчества — Петрович, смысл фамилии — Платонов. Значимую роль играет семантика собственных имен: Анастасия, Зарецкий, Гейгер, Анна. Текст романа насквозь пронизан литературными реминисценциями и ассоциациями. Разного рода приемы, используемые автором, отсылают к экспериментам Серебряного века, самоцитации в творчестве Ф. Сологуба, игре с читателем в романах В. Набокова. «Авиатор» сопоставляется с петербургскими романами Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», к анализу привлекаются и другие повести и романы писателя. Особое внимание уделяется теме воскрешения, справедливости, покаяния, проблеме нравственного выбора, вины и невинности. Прослеживается связь с произведениями А. С. Пушкина. Анализируются разного рода аллюзии от «Повестей Белкина» и романа в стихах «Евгений Онегин» до отдельных стихотворений. Раскрывается символический смысл и метафоричность названия в его взаимодействии с композицией романа, эпиграфом, посвящением, образами главных героев. Отмечается влияние древнерусской литературы. Среди интертекстуальных переключек важное место принадлежит библейским сюжетам, мифологическим параллелям, влиянию произведений мировой литературы. Эксплицитные и имплицитные цитаты привлекаются автором романа в его размышлениях о смысле и уникальности человеческой жизни, о внутренней свободе и страдании, о судьбе и неизбежности смерти, о милосердии, христианской любви и прощении.

Ключевые слова: «Авиатор», петербургский текст, Достоевский, Пушкин, Серебряный век, «Идиот».

The author argues that Evgeny Vodolazkin's multi-layered and multifaceted novel "The Aviator" can be interpreted in different ways. The article is devoted to the interpretation of the 21st century novel as a classic example of a continuous Petersburg Text, in which everything is significant, starting from the epigraph and dedication. The meaning and symbolism of the name of the main character Innokenty (Innocent), the pattern of the patronymic Petrovich, the meaning of his surname Platonov, are explained. The semantics of proper names plays a significant role: Anastasia, Zaretsky, Geiger, Anna. The text of the novel is thoroughly permeated with literary reminiscences and associations. Various techniques used by the author refer to the experiments of the Silver Age, self-citation in the works of Fyodor Sologub,

and games with the reader in the novels of Vladimir Nabokov. “The Aviator” is compared with St. Petersburg novels “Crime and Punishment” and “The Idiot” by Fyodor Dostoevsky; other stories and novels of this writer are also involved in the analysis. Particular attention is paid to the theme of resurrection, justice, repentance, the problem of moral choice, guilt and innocence. There is a connection with the works of Aleksandre Pushkin. Various kinds of allusions are analyzed from “Belkin’s Tales” and the novel in verse “Eugene Onegin” to individual poems. The symbolic meaning and metaphorical nature of the title is revealed in its interaction with the composition of the novel, epigraph, dedication, and images of the main characters. The influence of ancient Russian literature is noted. Among the intertextual echoes, an important place belongs to biblical stories, mythological parallels, and the influence of works of world literature. Explicit and implicit quotes are used by the author in his thoughts about the meaning and uniqueness of human life, about inner freedom and suffering, about fate and the inevitability of death, about mercy, Christian love and forgiveness.

Keywords: “The Aviator”, Petersburg text, Dostoevsky, Pushkin, Silver Age, “The Idiot”.

Введение

Роман Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) можно прочитывать по-разному, но прежде всего это петербургский текст. Созданный «совокупностью текстов русской литературы “петербургский текст” обладает... семантической связанностью... хотя он писался (и будет писаться) многими авторами» [Топоров 1973: 277]; утвердилось мнение, что «символизм превратил (художественно “навязав” это ощущение читателю, а затем и исследователям) достаточно пестрое наследие XIX в. в “петербургский текст”» [Минц, Безродный, Данилевский 1984: 79].

Роман «Авиатор» представляет собой классический образец непрерывного петербургского текста. Главный герой — человек Серебряного века. Произведение предваряет эпиграф, являющийся самоцитацией, что отсылает к экспериментам Серебряного века — обращение к собственному творчеству характерно для прозы символистов. Например, эпиграфом романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» является строка стихотворения поэта: «Я сжечь ее хотел, колдунью злую». Водолазкин осуществляет следующий шаг: в качестве эпиграфа он берет фрагмент последних страниц своего романа, разговор в самолете. «— Что вы всё

пишете? — Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеюсь спасти их от забвения. <...> Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк... например, авиатор» [Водолазкин 2016: 7]. Данный прием позволяет раздвинуть границы хронотопа и архитектоники книги. Начало адресует к финалу, финал — возвращает к началу. Одновременно автор «подчеркивает важность циклического времени, в котором пребывает *жизнеописатель* Платонов»: повествование в романе отсчитывается днями недели, но «сменяемость времен года важна. Замкнутость художественного пространства характерна для древнерусской литературы, специалистом и знатоком которой является автор» [Стрельникова 2018б: 211].

Обсуждение

Название романа совпадает с названием стихотворения А. Блока (1912). Платонов — художник, не авиатор, а роман назван — «Авиатор». К подобному методу художественной игры с читателем прибегал В. Набоков в романах «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»: Машенька так и не появляется; защита не защищает; и вопрос — состоялась ли казнь? — остается открытым. Трудно было, очевидно, избежать влияния Набокова, хотя бы потому, «что существенную роль играет “гений места”... любимая Платоновым Сиверская, с которой связаны самые теплые детские воспоминания, — это почти набоковские места» [Стрельникова 2018б: 211]. Усадьба Набоковых в селе Рождествено Гатчинского района располагается в восьми километрах от поселка Сиверский. В Рождествено прошли детство и юность Набокова, любовно запечатленные им в романах «Защита Лужина» и «Другие берега». В XIX — начале XX в. Сиверская относилась к Рождественской волости и со второй половины XIX в. считалась Дачной столицей.

Особый пласт в романе принадлежит семантике собственных имен [Стрельникова 2018а]. Говорящие имена являются важной составляющей петербургского текста, в котором значимым становится буквально всё. Иннокентий, Анастасия,

Гейгер непосредственно проецируются на петербургские повести и романы Ф. М. Достоевского. Впрочем, дело не только и не столько в месте действия.

Тема воскрешения, волнующая Платонова, заставляет вспомнить роман «Преступление и наказание». Возлюбленную Иннокентия зовут Анастасия. Простонародным вариантом имени является распространенное в XIX в. имя Настасья, неоднократно встречаемое в произведениях Достоевского — «Белые ночи», «Преступление и наказание», «Идиот» — и всегда выполняющее свою семантическую функцию. «Хозяйская прислуга Настасья не случайно носит это имя: Анастасия означает “воскрешение” (греч.)... — символ матери-земли... она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нем, верит в его воскресение. В этой заботе и в этой вере — залог возрождения Раскольникова» [Белов 1984: 78]. Платонов размышляет, дословно переводя имя любимой: «Передо мной лежит единственный близкий мне человек. <...> Счастье, что он есть, что продержался до моего *возвращения к жизни*» (Курсив здесь и далее наш. — Н. С.) [Водолазкин 2016: 173]. Платонов рефлексивует: «О воскрешении думаю все чаще. О нем говорит и Настино имя. Иногда мне кажется, что Настя воскресила Анастасию» [Водолазкин 2016: 287]. В какой-то момент в сознании героя оба образа — Анастасии и Насти — сливаются [Водолазкин 2016: 218]. Для будущей дочери Платонов выбирает имя Анна, которое естественно и логично продолжает ряд близких: *АнНа* представляет собой словообразовательную модель, появившуюся в результате сложения первых букв имен любимых — Анастасии и Насти [Стрельникова 2018а].

Платонов сравнивает себя — бывшего ЛАЗАРЬ — с Лазарем библейским. Но в биографии героя Водолазкина ЛАЗАРЬ — «Лаборатория по замораживанию и регенерации», аббревиатура [Водолазкин 2016: 207]. Лазарь — символ, смысл которого двойится. Напомним о значимости эпизода в романе «Преступление и наказание», когда Соня читает Раскольникову фрагмент из Нового Завета о воскрешении Лазаря.

В самом умышленном и фантастическом городе, по мысли Достоевского, Раскольников,

одержимый идеей справедливости, совершает преступление. Через полвека в том же городе, действуя во имя справедливости, осуществляет месть Платонов. Терзаясь мучительными вопросами о смысле воскрешения, он постепенно осознает, что «ему дана была милость вернуться» [Водолазкин 2016: 382]. Постоянным мотивом романа является статуя Фемиды, символ справедливости. Писатель «назвал своего “авиатора” Иннокентием, потому что имя означает “невинный”, а ему “на роду написано” быть невинной жертвой происшедших в его жизни событий» [Мальшев 2016]. Имя главного героя, таким образом, связано с проблемами вины / ее отсутствия, *преступления/наказания*, а значит, с категорией справедливости.

Отчество героя — Петрович — закономерно для петербургского текста. «Через Петра и через его детище Петербург, несущее в себе и демиургический творческий гений Петра, и всё “злое” насилие своего “строителя чудотворного”, прошел главный и определяющий поток русской истории. <...> Петербург не мог не выступать и как субъект гениального творчества, и как субъект злой воли. Творчество тем самым всегда происходило над бездной...» [Топоров 1995: 312]. Достоевский часто нарекал персонажей отчеством Петрович: титулярный советник Яков Петрович Голядкин (повесть «Двойник»), сочинитель Иван Петрович (роман «Униженные и оскорбленные»), Александр Петрович Горянчиков (повесть «Записки из Мертвого дома»), Порфирий Петрович, надворный советник Петр Петрович Лужин, помощник квартального надзирателя Илья Петрович (роман «Преступление и наказание»). [Стрельникова 2018а: 269]. В. Н. Топоров пишет, что «активность перед лицом истории... не позволяет снять с Петра ответственности и вины (по киркегоровским критериям Петр невинен, но преступен)» [Топоров 1995: 312].

Фамилия Платонов, с одной стороны, вызывает в памяти имя древнегреческого философа Платона и его диалог «Государство», где излагается идея идеального государства, в основе которого лежит идея справедливости. Не менее любопытная ассоциация возникает с именем писателя Андрея Платонова, автора «Котлована», родившегося

в 1899 г., то есть ровесника героя «Авиатора». К числу ключевых мотивов в творчестве Платонова относится тема смерти и ее преодоления. Под влиянием идей Николая Федорова Андрей Платонов неоднократно обращался к идее воскрешения мертвых, которая в сознании его героев связывается с грядущим приходом коммунизма: «Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? — Нет... — Врешь! <...> Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» [Платонов 1988: 170–171]. Можно вспомнить и историка Сергея Федоровича Платонова, также современника Иннокентия Петровича, 1899 года рождения. Наверстывая упущенное время, герой Водолазкина много читает, особенно книги по истории и философии, так задействованными становятся все три опции: Платонов — историк, Платон — философ, Платонов — писатель.

Во второй части романа фамилия Платонов фактически превращается в имя: Настя начинает называть его Платоша. Пара Иннокентий — Анастасия с обращением на *вы* преобразуется в пару Платоша — Настя с обращением на *ты* [Водолазкин 2016: 269–270]. Вспоминая первую любовь, Платонов обосновывает обращение исключительно на *вы*: «Это мое *вы* и Анастасия кажутся мне сейчас чем-то избыточным, даже забавным. Но тогда они были для меня чуть ли не порукой ее, Анастасии, неприкосновенности. До некоторой степени — символом моей аскезы, чем-то вроде рясы, в которой иноку, наверное, проще сопротивляться искушениям. Или, наоборот, сложнее» [Водолазкин 2016: 18]. Принимая во внимание созвучие имени героя и слова ИНОК, имя Иннокентий обретает дополнительные коннотации [Стрельникова 2018а: 270]. Как не вспомнить в связи с этим стихотворение «Ты и вы» (1828), в котором А. С. Пушкин поэтически разграничил традиционное обращение на *ты* и *вы*, характерное для русского этикета. Обращение на *вы* предполагает дистанцию, выдерживаемую человеком начала XX в. Изменившаяся реальность диктует новые правила. Обращение на *вы* слишком претенциозно, даже фальшиво звучит в конце XX в., о чем автор, переходя на *ты* с сестрой милосердия, иронически

пишет: «Сморкайтесь! / Мы же на “ты”... / — Тогда сморкайся! / Я сморкнулся. Невозможно ведь сморкаться в чью-то руку, будучи с человеком на “вы”» [Водолазкин 2016: 63].

Нельзя не заметить параллель, возникающую при упоминании имени Иннокентий: артист Иннокентий Смоктуновский, гениально сыгравший роль князя Мышкина в блистательной постановке Георгия Товстоногова в Ленинградском БДТ в 1957 г. Этот спектакль стал знаковым событием культурной жизни Ленинграда 60-х годов XX в. Ассоциативное обращение к легендарному спектаклю БДТ возникло произвольно, но не случайно, ибо отсылка к роману Достоевского «Идиот» в тексте Водолазкина не меньше, чем реминисценций к «Преступлению и наказанию». Фамилия Настасьи Филипповны — Барашкова; в этой говорящей фамилии читается отведенная ей роль жертвенного агнца, что соотносится с героем «Авиатора», в имени которого зашифровано значение *невинной жертвы*. «Авиатор» начинается с возвращения героя в Петербург после долгого отсутствия, практически с того света, в 1999 г. Эта коллизия напоминает начало романа «Идиот», когда князь Мышкин приезжает в Петербург после длительного лечения. И Платонов, и Мышкин некоторое время находились в другом «измерении» — душевном заболевании Мышкина и долгом небытии Платонова. Тема внутреннего конфликта благородного человека, оказавшегося в чужом для него мире, идейно и тематически сближает оба романа [Стрельникова 2019а]. Князь Мышкин и авиатор Платонов примерно одного возраста, оба не очень здоровы физически, но высоконравственны духовно; сближает героев философский склад ума, точность в высказываниях и оценках. Кроме того, оба артистичны в своем роде: Платонов — художник и летописец своей эпохи; князь Мышкин — каллиграф, чувствующий характер почерка.

Герои вынуждены адаптироваться к новым условиям в сильно изменившемся и неудобном для них мире. Петербург в романе Достоевского, где все продается и покупается, далек от совершенства, но и в «Авиаторе» Петербург конца XX в. не идеален. «Все друг друга перебивают. Интонации склочные и малокультурные, пошлость

невыносимая. Неужели это мои новые современники?» [Водолазкин 2016: 83–84]. «Не нонешнего века человеком» называет Платонова Гейгер [Водолазкин 2016: 222]; «почти как ребенок, впрочем, образованный» [Достоевский 19576: 60–61] — таково общее мнение о князе Мышкине. Оба вызывают любопытство окружающих, но за глаза их называют в первом случае *идиотом*, во втором — *размороженным*. Подчеркивается прелесть улыбки обоих: «В ответ — улыбается. Вот у кого хорошая улыбка» [Водолазкин 2016: 223]. «Улыбка его хороша; я разглядел его теперь внимательнее» [Достоевский 19576: 439]. Выпадая из реальности, герои чувствуют себя «лишними», но, будучи романтиками, пытаются преодолеть несовершенство мира, сделать его лучше, и люди при общении с ними становятся чище и добрее. Платонов, пройдя «бестрепетно» через муки советского лагеря, приходит к христианскому мировосприятию. И Мышкин, и Платонов — единственные, последние представители уходящей культуры. У Достоевского князь-Христос «последний... в своем роде» [Достоевский 19576: 10] в прямом и переносном смысле, у Водолазкина *разморозка* через столько лет становится «воскрешением целого поколения» [Водолазкин 2016: 279], увы, безвозвратно ушедшего. Характерной чертой петербургского текста является сопоставление персонажей с известными литературными и мифологическими героями мировой культуры. Рисуя образ своего «положительно прекрасного человека», Достоевский сравнивает Мышкина с *Дон Кихотом Ламанчским* и *рыцарем бедным* из стихотворения Пушкина. В «Авиаторе» неудивительно сравнение Платонова с мифологическим *Икаром* и библейским *Лазарем*, но постоянным спутником Иннокентия Петровича является *Робинзон Крузо*, задумывается герой и о судьбе *Блудного сына*, как бы примеряя ее на себя [Водолазкин 2016: 31].

Центром пересечения идей двух романов являются размышления о Человеке, проблема нравственного выбора, тема вины и невиновности. «Страна — не моя мера, и даже народ. <...> Человек — вот мера», — точка зрения Платонова [Водолазкин 2016: 78]. Достоевский писал брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели

будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский 1985: 63]. Настасья Филипповна обращается к князю: «Прощай, князь, в первый раз Человека видела!» [Достоевский 19576: 201]. Достоевский ссылается на евангельский текст, слова Понтия Пилата: это Человек. Платонова можно назвать русским Робинзоном XX века, еще раз доказавшим возможность остаться Человеком, несмотря на нечеловеческие условия Соловецкого лагеря. У Платонова был свой остров и страшная соловецкая робинзо-нада. Может быть, он остался жив вопреки всему, потому что в детстве читал книгу Д. Дефо?

Неужели, только пройдя через невероятные страдания, Человек начинает ценить важность каждой минуты, о которой писал Ф. М. Достоевский [Достоевский 19576: 69–71]. Ощущения приговоренного к казни, который «каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял» [Достоевский 19576: 71], зафиксированы подробно и точно, так как автобиографичны. Жить как человек, которому осталось пять минут до смерти. «Может, как раз для того я воскрешен, чтобы все мы еще раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил? <...> Я ведь всё видел и всё запомнил. А теперь вот описываю» [Водолазкин 2016: 279]. Обретая вторую жизнь, Платонов максимально реализует, восстанавливая прошлое для будущего.

Центральной темой второй части «Авиатора» является тема смерти, постепенно вытесняющая тему воскрешения, вопрос о смысле, ценности и уникальности человеческой жизни. Платонов бродит по кладбищам — Смоленскому, Никольскому, Серафимовскому. Здесь не обойтись без пушкинских реминисценций. Потеряв свое время и свой быт, Платонов, подобно Дуне из «Станционного смотрителя», пытается «врасти» в чужой мир, «вписаться» в новый быт, но попытка оказывается неудачной. Он чувствует себя неким *хронотоплесом*, который «ищет прежних знакомых» [Водолазкин 2016: 297]. Ассоциативно возникает строчка Пушкина из стихотворения «19 октября» (1825), адресованная последнему оставшемуся в живых лицеисту: «Несчастный друг! Средь

новых поколений / Докучный гость и лишний, и чужой, / Он вспомнит нас и дни соединений...»

Фамилия Зарецкий из романа Водолазкина заставляет вспомнить Зарецкого из романа «Евгений Онегин». Что общего между неглупым, расчетливым и хитрым пушкинским помещиком и пролетарием — персонажем Водолазкина? О пушкинском герое мы знаем немного, но именно ему, опытному дуэлянту и щепетильному ревнителю правил, Ленский доверяет право быть секундантом: «В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства, / И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь, / Но в строгих правилах искусства» [Пушкин 1959: 122]. Судьбы Ленского и Онегина фактически оказываются в руках Зарецкого, который мог бы с легкостью примирить противников, но не предотвращает дуэль. В силу сложившихся обстоятельств от «какого-то» Зарецкого зависят судьба героев и невольная гибель Ленского. Быть может, поэтому Водолазкин решил наречь отрицательного героя «Авиатора» именно так [Стрельникова 2018a]? Кстати, у Зарецкого нет ни имени, ни отчества. Несмотря на случайное появление Зарецкого, при размышлении о его характере и роковой роли напрашивается вывод. Любой человек способен на самые странные, невероятные действия, каждый, казалось бы, самый примитивный индивид противоречив и сложен. Не существует деления людей на отрицательных и положительных. Все и всё связаны, ничего не происходит само по себе, а любой поступок отзывается чем-то в будущем [Стрельникова 2019б: 1953]. Таким образом, речь идет о вечной теме судьбы, одной из центральных в творчестве Пушкина.

Думая о своем чудесном воскрешении, Платонов пишет: «Ночью не спал, и вспомнился мне пушкинский “Выстрел”. Там Сильвио откладывает свой ответный выстрел на шесть лет. Он появляется тогда, когда герой женится и счастлив... Смерть не тронула меня на острове. Тогда она была мне почти безразлична. Она вернулась со своим выстрелом сейчас, когда в моей жизни появилась радость. Долго же она ждала. Надо ли понимать так, что ее выстрел — ответный?» [Водолазкин 2016: 373–374]. Герой спрашивает: прав ли человек, который мстит, «он — злодей или инструмент

справедливости» [Водолазкин 2016: 343], имея в виду себя. Платонов не понимает, из каких соображений донес Зарецкий на профессора Воронина, но и Зарецкий не может объяснить, зачем он это сделал. Напомним, как когда-то Тоцкий в романе Достоевского «Идиот» на вечере у Настасьи Филипповны рассказывает о самом дурном поступке, совершенном им в жизни: как ради *преоригинальной идеи* предал своего приятеля, тем самым приведя его к преждевременной гибели [Достоевский 1957б: 174–177], но не может объяснить причин своего странного порыва. Раскаиваясь в содеянном, не понимая, зачем он так жестоко обошелся с человеком, к которому хорошо относился, искренно утверждает, что сделал это просто так. У Зарецкого никакого корыстного интереса не было, и ничего в его жизни не изменилось. Автор «Авиатора» и Платонов подозревают существование иррациональных причин в русском сознании, апеллируя опять же к Пушкину. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья...» Возвращаясь к образу Сильвио из повести «Выстрел», позволим сделать предположение. Замечательный литературовед Н. Я. Берковский обратил внимание на то, что Сильвио — плебей [Берковский 1962: 272]. Чувством ущемленного самолюбия и оскорбленного достоинства можно объяснить и его вызывающее поведение, и его мстительность. Месть Сильвио есть месть оскорбленного человека. Не теми же ли чувствами был движим Зарецкий? [Стрельникова 2019а: 1953].

Среди имплицитных отсылок стоит назвать повесть «Станционный смотритель». Желание распорядиться собственной судьбой, личная ответственность и позднее раскаяние — все это проекция притчи о блудном сыне на судьбу Дуни. Пушкин рассказывает историю блудного сына — дочери смотрителя — по-своему. «Блудный сын у Пушкина возвращается в карете. <...> Но блеск блудного сына — призрачный, новый блудный сын по-своему несчастен...» [Берковский 1962: 339]. Похоже, что отсылка к пушкинской повести в «Авиаторе» отчасти продиктована близостью деревни Выра, где жил скромный пушкинский герой Самсон Вырин, а сейчас в Выре, находящейся

рядом с Рождествено, в шести километрах от Сиверской, где прошло волшебное детство Платонова, расположен домик станционного смотрителя — первый в России музей вымышленного литературного героя. Водолазкин обращается и к евангельскому сюжету, и к повести Пушкина, и к тексту Покаянного канона. Библейский сюжет Платонов проецирует на собственный уход и возвращение. Пытаясь встроиться в новый быт, он все чаще и чаще произносит слова Покаянного канона: «Бог идеже хоцет, побеждается естества чин». Размышляя о смысле притчи о блудном сыне, Платонов резюмирует: «Я как-то сказал Насте, что милость выше справедливости. А сейчас подумал: не милость — любовь. Выше справедливости — любовь» [Водолазкин 2016: 316]. Любовь, напомним, спасает Раскольникова: полюбив, он раскаивается и освобождается от страданий. Так странно и причудливо сплетаются в «Авиаторе» разные аллюзии и смыслы.

Судьбы героев «Повестей Белкина» перекликаются, человек равноценен другому человеку. По этой логике Зарецкий должен быть равноценен Платонову, кто же тогда Платонов — «злодей или инструмент справедливости? Или — и то, и другое?» [Водолазкин 2016: 343]. Одержимый покаянными мыслями, герой приходит к идее христианской любви и прощения. Простив, Платонов пишет гениальный портрет своей жертвы — Зарецкого. Так неожиданно отзывается пушкинская тема «гения и злодейства». Пушкинских реминисценций в романе Водолазкина достаточно, и это не удивительно для петербургского текста [Стрельникова 2019а: 1952–1957].

Многое в повествовании дwoится, повторяется, закольцовывается, переворачивается. Первое осознанное воспоминание Платонова связано с бабушкой, читающей ему «Приключения Робинзона Крузо». Этим же эпизодом заканчивается роман: «Бабушка читает “Робинзона Крузо”» [Водолазкин 2016: 411]. Фамилия следователя, допрашивающего Платонова, по иронии судьбы — Бабушкин: «В этот день у него был усталый вид. Мне тогда даже пришло в голову, что в чем-то он соответствует своей фамилии» [Водолазкин 2016: 126]. Бабушкин не мог соответствовать своей

фамилии: на следующий день он начал жестоко избивать Платонова. Бабушкой станет, и только так ее и будут называть в 1999 г., Анастасия [Водолазкин 2016: 180].

Одинаковую фамилию — Воронины — носят отец Анастасии и *мерзавец*, жестокий чекист на Соловках. «Как так случается, что одним и тем же именем могут обозначаться полные противоположности» [Водолазкин 2016: 162]. Снова апеллируем к Достоевскому: Миколка из страшного сна Раскольникова и Миколка-красильщик носят имя святого, Николая-угодника. «Достоевский был величайшим диалектиком, и поэтому антиподом чистого и невинного сердцем Миколки-красильщика является пьяный деревенский парень Миколка, насмерть забивающий лошадь. Между этими двумя Миколками, между верой и неверием и мечется Раскольников, связанный с обоими неразрывно: с одним — круговой порукой греха, с другим — надеждой на воскресение» [Белов 1984: 93]. Не то ли и с Платоновым, окруженным двумя Воронинами — профессором Духовной академии, отцом невесты, и злодеем, издевающимся над попавшими в лагерь. Начало страданий Платонова связано с профессором Ворониным, за которого он мстит и получает наказание, физически осуществляемое другим Ворониным. «Может быть, оставшись в моей памяти, Воронин стал частью меня, и я ненавижу его в себе?» [Водолазкин 2016: 189].

И Пушкин, и Достоевский присутствуют в тексте «Авиатора» эксплицитно и имплицитно. В разговоре с другом детства, кузеном Севою, собирающимся «отметить начало революционной борьбы» [Водолазкин 2016: 87], Иннокентий, спрашивая, читал ли тот «Бесов», получает *бесовский* ответ, в котором нивелируется личность человека, начинающего «снисходительно» говорить словами штампов и газетных передовиц: «Сейчас объективная необходимость взять власть...» [Водолазкин 2016: 87]. Образ *бесов* возникает не единожды. Когда Иннокентий смотрит, как «энергично» танцуют его нынешние современники, то вспоминает: «так в любительском театре Сиверской изображали бесноватых. <...> Их танец указывал на необходимость исцеления» [Водолазкин 2016: 79]. Напомним сон Раскольникова о *трихинах*,

«вселявшихся в тела людей». «Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные» [Достоевский 1957а: 570]. Одним из *бесов* становится Сева. «Он притягивает к тем, кто кажется ему сильным, и надеется, что они отдадут ему часть своей силы. Ничего они ему не отдадут. На мгновение мне приходит в голову, — размышляет герой, — что если бы Сева стал тираном, то первым уничтожил бы меня» [Водолазкин 2016: 160].

Рассказывая о романе, Водолазкин заключает: «Борьба между добром и злом проходит в каждом человеческом сердце. Всякий раз человек выбирает, какую сторону ему принять. И это — одна из важных идей романа» [Визель 2016]. Здесь почти точная цитата из романа «Братья Карамазовы»: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский 1958: 139].

Фамилию Гейгер (в переводе с немецкого — «скрипач») можно связать с повестью Достоевского «Неточка Незванова» [Стрельникова 2018а: 269].

Вторая часть «Авиатора» представляет собой дневниковые записи Платонова, Насти и Гейгера, часто на одну тему. Вначале автор указывает, кому принадлежит запись, но потом ссылки на авторство исчезают, однако по тексту можно догадаться, кому принадлежат те или иные слова. Таким образом, роман «Авиатор» структурируется под полифонический роман Достоевского, о котором писал М. Бахтин, которого, в свою очередь, читает Платонов [Водолазкин 2016: 296–297].

Наконец, обязательным атрибутом петербургского текста служат приметы городской топонимики. «Я узнаю этот шпиль и эту реку. <...> Я ведь любил Петербург бесконечно, — признается Платонов. — Возвращаясь из других мест, испытывал острое счастье. Его гармония противостояла в моих глазах хаосу. <...> Строгость. Вот мы с отцом и матерью — я в центре, они по бокам, держат меня за руки, идем по Театральной улице от Фонтанки к Александринскому театру, прямо посередине улицы. Сами — воплощение симметрии, если угодно — гармонии... отец говорит мне,

что расстояние между домами равно высоте домов и длина улицы десятикратно превышает высоту домов» [Водолазкин 2016: 31]. Признание в любви городу — своеобразный рефрен XX в. к классическим строкам поэмы Пушкина «Медный всадник». Сравнивая город начала и конца века, Платонов печально констатирует: «...недалеко от места, где стояла Знаменская церковь. Которой, к моему удивлению, больше нет. Есть метро: мир горный побежден миром подземным» [Водолазкин 2016: 214]. Эта фраза значит больше, чем конкретная ситуация, когда она произнесена. Это о времени, о России, о XX веке и, к сожалению, о будущем.

Авиатор — метафора способности подняться над временем и над собой, символ внутренней независимости человека: «Однажды в Сиверской я видел, как с плохо выкошенного поля взлетал аэроплан. <...> Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: они мало зависят от окружающих. Независимость... помогает достигать цели. <...> всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своем одиночестве авиатора». Платонов стал Авиатором во времени, перелетел почти 70 лет и попытался соединить две эпохи, очевидцем которых был. Он становится больше, чем *жизнеописатель*: пишет летопись русского XX в. Жанровые особенности летописи — *эпическое спокойствие, компактность, анфиладность, замкнутость* при «разомкнутости» «концовки» — использованы в тексте «Авиатора». Можно найти характерные особенности и других жанров древнерусской литературы: *хождения и жития*, а также *слова* — древнерусского красноречия, представляющего собой послание к потомкам. Роман имеет посвящение — *моей дочери*. Автор посвятил книгу человеку поколения XXI в. Ненавязчиво герой сопоставляет начало века и его конец; сравнение — не в пользу современности. Избранница Платонова Настя принадлежит к поколению, о котором автор скажет, что это «поколение юристов и экономистов. Только где же, спрашивается, мечта? Полет где?» [Водолазкин 2016: 226]. Платонов пишет для будущей дочери, чтобы рассказать о своем времени: «Может быть, именно слова окажутся той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было? Не только

со мной, — всё, что было вообще» [Водолазкин 2016: 26]. Вернувшийся с того света «имеет особые задачи. Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем. О чем свидетельствую я? В конечном счете, о том же. Но помимо этого, вероятно, и о времени» [Водолазкин 2016: 287]. О своем времени, когда люди говорили и думали иначе.

Заключение

«Авиатор» — роман о том, как человек обретает свободу, лишь преодолев страх, о внутренней свободе, возможной в самых сложных обстоятельствах, о смелости покаяться и простить врагов своих.

Взгляд Платонова — это взгляд беспристрастного летописца, религиозный по сути. Здесь нет противоречия: «Разве аэропланы отменили смерть?» Немногословный в значительном, автор «многоречив в незначительном» согласно канону древнерусской летописи, но «именно в этих описаниях, казалось бы, случайных событий и скандывается его религиозный подъем над жизнью» [Лихачев 1979: 258].

Композиция романа подчинена принципу повтора: автор, подобно Авиатору, «кружит» над текстом, постоянно возвращаясь к уже упомянутому. Эти виражи позволяют сказать о том, что важно, не подвержено времени, остается в памяти человека, а что незначительно, должно забыться и исчезнуть.

Е. Г. Водолазкину удалось «взлететь» над ограниченностью словесного полотна, воспроизвести в слове атмосферу полета, наполнить текст воздухом. Стараясь быть объективным реставратором прошлого, Платонов возмущается: «Как можно тратить бесценные слова на телесериалы, на эти убогие шоу, на рекламу? Слова должны идти на описание жизни. На выражение того, что еще не выражено» [Водолазкин 2016: 341]. Он становится Авиатором слова: чтобы воспрепятствовать дальнейшим и неизбежным искажениям и мифологизации, необходимо, будучи очевидцем, запечатлеть свое время в слове: «Некоторые плачут, но лучше ведь писать» [Водолазкин 2016: 400].

Финал открыт. Смерти нет: читатель прощается с Авиатором в полете, продолжающим описывать мир, чтобы «спасти его от забвения».

ИСТОЧНИКИ

Водолазкин 2016 — Водолазкин Е. Г. *Авиатор*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.

Достоевский 1957а — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Преступление и наказание*. М.: Художественная литература, 1957. 599 с.

Достоевский 1957б — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Идиот*. М.: Художественная литература, 1957. 736 с.

Достоевский 1958 — Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Братья Карамазовы*. М.: Художественная литература, 1958. 635 с.

Достоевский 1985 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений: в 30 т. Изд-во АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом)*. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма, 1832–1859. 572 с.

Платонов 1988 — Платонов А. П. *Ювенильное море: повесть, роман*. М.: Современник, 1988. 560 с.

Пушкин 1959 — Пушкин А. С. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4*. М.: ГИХЛ, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

Белов 1984 — Белов С. В. *Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя*. Лихачев Д. С. (ред.). М.: Просвещение, 1984. 240 с.

Берковский 1962 — Берковский Н. Я. *О русской литературе*. Сб. ст. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 452 с.

Визель 2016 — Визель М. *Водолазкин Е. Г. Авиатор. Интервью*. Текст и интервью. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2016/04/05/aviator-vodolazkin-intervyu> (дата обращения: 16.11.2023).

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука, 1979. 360 с.

Малышев 2016 — Малышев В. *Евгений Водолазкин расскажет об «Авиаторе»*. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2016-03-11/evgeniy-vodolazkin-rasskazhet-ob-aviatore-v-obnovlennoy-knizhnoy-lavke-pisateley> (дата обращения: 16.11.2023).

Миц, Безродный, Данилевский 1984 — Миц З. Г., Безродный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм. В сб.: *Семиотика города и городской культуры: учен. записки Тартус. гос. ун-та*. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 78–92.

Стрельникова 2018а — Стрельникова Н. Д. Семантика антропонимов в романе Е. Водолазкина «Авиатор». В сб.: *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей*. Мезенко А. М. и др. (сост.). Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. С. 266–271.

Стрельникова 2018б — Стрельникова Н. Д. А почему Платонов — авиатор? (О роли названия в романе Е. Водолаз-

кина «Авиатор». В кн.: *Русистика и современность*. Лысакова И. П. (ред.). СПб.: Северная звезда, 2018. С. 210–218.

Стрельникова 2019а — Стрельникова Н. Д. Роман Е. Водолазкина «Авиатор» и петербургские произведения Ф. М. Достоевского. В сб.: *Текст, контекст, интертекст. Сб. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф.: XV Виноградовские чтения (г. Москва, 3–5 марта 2018 г.): в 3 т. Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы*. Райкова И. Н. (ред.). М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 311–319.

Стрельникова 2019б — Стрельникова Н. Д. Пушкинские реминисценции в романе Е. Водолазкина «Авиатор». В сб.: *Русское слово в многоязычном мире: Мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 г.)*. Боженкова Н. А., Вяткина С. В., Клушина Н. И. и др. (ред.). СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 1952–1957.

Топоров 1973 — Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с историческими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»). В сб.: *Structure of texts and semiotics of culture*. Hague; Paris, 1973.

Топоров 1995 — Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы. В кн.: Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического*. М.: Прогресс, 1995. С. 259–367.

REFERENCES

Белов 1984 — Belov S. V. *F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"*. Lihachev D. S. (ed.). Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984. 240 p. (In Russian)

Берковский 1962 — Berkovskij N. Ja. *About Russian literature*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat Publ., 1962. 452 p. (In Russian)

Визель 2016 — Vizel' M. *Vodolazkin E. G. Aviator. Interview*. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2016/04/05/aviator-vodolazkin-intervyu> (accessed: 16.11.2023).

Лихачев 1979 — Lihachev D. S. *Poetics of Old Russian Literature*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)

Малышев 2016 — Malyshev V. *Evgeniy Vodolazkin will talk about "Aviator"*. Available at: <https://spbndevnik.ru/news/2016-03-11/evygeniy-vodolazkin-rasskazhet-ob-aviatore-v-obnovlennoy-knizhnoy-lavke-pisateley> (accessed: 16.11.2023). (In Russian)

Мицц Безродный, Данилевский 1984 — Mints Z. G., Bezrodnyi M. V., Danilevskii A. A. "Peterburg text" and Russian symbolism In: *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury: uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 664. P. 78–92. (In Russian)

Стрельникова 2018а — Strel'nikova N. D. Semantics of an-throponyms in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". In: *Regional'naiia onomastika: problemy i perspektivy issledovaniia: sbornik nauchnykh statei*. Mezenko A. M. et al. (comp.). Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova Publ., 2018. P. 266–271. (In Russian)

Стрельникова 2018б — Strel'nikova N. D. Why is Platonov an aviator? (On the role of the title in E. Vodolazkin's novel "The Aviator"). In: *Rusistika i sovremennost'*. Lysakova I. P. (ed.). St. Petersburg: Severnaia zvezda Publ., 2018. P. 210–218. (In Russian)

Стрельникова 2019а — Strel'nikova N. D. E. Vodolazkin's novel "The Aviator" and the St. Peterburg works of F. M. Dostoevsky. In: *Tekst, kontekst, intertekst. Sb. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: XV Vinogradovskie chteniia (Moscow, March 3–5, 2018): in 3 vols. Vol. 2: Russkaia literatura. Istoriia. Mezhdistsiplinarnye gumanitarnye problemy*. Raikova I. N. (ed.). Moscow: Knigodel Publ.; MGPU, 2019. P. 311–319. (In Russian)

Стрельникова 2019б — Strel'nikova N. D. Pushkin reminiscences in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". In: *Russkoe slovo v mnogoiazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRiAL*. Bozhenkova N. A., Viatkina S. V., Klushina N. I. et al. (eds). St. Petersburg, 2019. P. 1952–1957. (In Russian)

Топоров 1973 — Toporov V. N. On the structure of Dostoevsky's novel in connection with historical patterns of mythological thinking ("Crime and Punishment"). In: *Structure of texts and semiotics of culture*. Hague; Paris, 1973. (In Russian)

Топоров 1995 — Toporov V. N. St. Peterburg and the St. Peterburg text of Russia literature. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Образ: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo*. Moscow: Progress Publ., 1995. P. 259–367. (In Russian)